

Предлагаемый вашему вниманию материал — это продолжение разговора, начатого 13 мая «Вечерней Москвой» в статье «Друзья детей».

БОЛЬШАЯ Полянка, 33. Первый этаж, окна на улицу. Вывеска: театр-студия. Сколько в Москве таких вывесок было, сколько студий открывалось, закрывалось, переименовывалось?.. Эта — особая. Закрепленная за ДЭЗ, курируемая милицией... Такое могло родиться только в застое — режимная благотворительность своего рода.

его театра пережило средний и поздний застой, перестройку и начало рынка. Жить будет ровно столько, сколько века отпущено самому Виктору Даниловичу.

Ну у чуда и намерения должны быть такие — с волшебством. Перетокин возник на этой должности не для унылого довоспитания унылых сограждан и не в помощь милиции, хотя свои честные 80 р. получал именно за это. Он захотел каждому пришедшему к нему небольшому человечку устроить личное большое чудо — Театр.

Театр по месту жительства —

происходило это с ними в самое экстремальное время — от отрочества до армии.

После армии, как водится, началась новая жизнь. Перетокин сразу понял, что в труппе будет такая текучка, которая иной раз ломала всю жизнь труппы, репертуара. Он не ждал, что основная масса ребят после пойдет по его стопам. Но все-таки за эти годы с десятком нашла у него учеников — музыкантов, актеров, а теперь будет даже и режиссер. Остальные — верные друзья театра, зрители всех премьер.

Возг. Москва. — 1992. — 25 июля.

КРЕПОСТНОЙ АКТЕР ВИКТОР ДАНИЛОВИЧ

А вот режиссер студии. Перетокин Виктор Данилович. Специальность — актер, ГИТИС. Призвание — просветительство и воспитательство. Масштаб личности — явление. Социальная характеристика — святой. Занимаемая должность: педагог — организатор при РЭУ-1 Октябрьского района.

Почему крепостной? А так задумано — еще в застое, или до войны, или до революции, или вообще, до реформы 1861 года; кто придумал — не известно, сама история, обрекая нас на социальные чудеса и выкрутасы, выкудила такое: должность воспитателя недовоспитанных школой и родителями детей, не попавших пока в режимное учреждение. По МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА, которое у нас практически изменять не положено. Соучредитель, естественно, милиция. Из других районов детей не брать. Дополнительные помещений не просить. Вложений не кланяться. Шаг влево, шаг вправо... Не нравится — до свидания.

Искать причину необыкновенной удачливости Перетокина на этой эквилибристической должности можно лишь в одном: в самом Перетокине. Чудо его педагогики и

ха-ха. Так ему и говорили. Ключики, говорили, раздай детишкам, карандашники — пусть помажут, помалуют — как раз на твои восемьдесят. Но удачливый до того актер захотел стать режиссером у труппы, собранной милицией.

Удачник — это вовсе не счастличик или баловень судьбы. Его никто никогда не баловал, как и его воспитанников, он решил, что им по дороге, и ориентировал их сразу же не на бесплодный труд или на борьбу с крепостниками (управдомом там или еще с кем), а на успех и на победы.

Брал в труппу всех. На сцену выпускал лучших. Кто-то в актеры не годился. Но при сцене всегда столько работы, такая техника нужна. Таланты поступали ежедневно — прямо с улицы. Приходили учиться играть ДРУГУЮ РОЛЬ. Менять привычки. Друзей. Иногда — судьбу.

Учил сцене. Ее высоте, возвышенности над буднями. Ее праву выбирать из массы — одного. Ее дисциплине и свободе. Осознав свое новое умение и состояние, подростки — как бы это сказать посовременнее — ТАЩИЛИСЬ. Ловили свой кайф. Им уже ничего другого не нужно было для полноты жизни. И

За годы знакомства мне довелось увидеть на сцене разные и неожиданные вещи. Ну, понятно, — концертные программы, потому что в студии были кордебалет и ансамбль, певцы и даже собственный композитор. Они ездили на гастроли, их приглашали на праздники выступать на уличных площадках. И так это всегда весело, четко выглядело, и так истоиво было исполнение, что успех был необычайный. А когда коллектив окреп до целого спектакля, удивительным оказался репертуар. «Две стрелы», например. Вещь, провалившаяся в большом кинематографе. А ребята сыграли так неожиданно — любовь, смерть, предательство — простейшие драматические моменты жизни человеческой с тем самым простодушием, которое и было задумано автором... Так же удивителен мне был успех малоизвестной революционной пьесы — это в наши-то дни!.. А вот они отыскивали здесь романтизм, чистоту порывов и идеалов и юношес-

кую бескомпромиссность. Или была еще незатейливая пьеса-самоделка о выборе профессии. Ну тут уж каждый играл самого себя или своих знакомых — остроумно, с комедийным блеском.

Потом-то ясно становится — репертуар здесь диктуется коллективом и ситуацией, короче, ПРЕДЛАГАЕМЫМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ.

Театр — работа и праздник, нарушение монотонности жизни, которую так хочется нарушить любому подростку любым способом! Он их и праздникам научил. Любимые — День Победы и День театра. В нынешнем году этот международный театральный праздник даже в настоящих театрах прошел хмуро и незаметно. А видели бы вы его на

Полянке! Начищенные до блеска паркет, нарядные зрители, цветы, овалы, чай с тортами, танцы...

А потом, рассказал Виктор Данилович, когда все разошлись, с ним остались ИЗБРАННЫЕ. Его выросшие ученики, просидевшие до глубокой ночи вместе, — никто не смог вот так уйти от праздника в обычную жизнь. Они были переполнены впечатлениями, упоены сегодняшним успехом, они строили планы будущей жизни театра, и это были РАВНЫЕ ему люди. Равенство с детьми — это ли не триумф педагогики, не мечта любого родителя?

...Кончился в наши дни вроде еще один этап крепостничества — прописки, мертвой приписки к месту, обязанности воспитываться там, где живешь. Перетокину как будто тоже выпало свободы — он может «открепиться» от ДЭЗ. А что тогда?

А рынок. Где торгуют бывшей государственностью, городской земель-

кой, домиками разными подходящими. В каждый район высадили десант, объявивший себя советом или комитетом самоуправления и желающий быть посредниками между городом и его жителями. Есть такой совет возле Виктора Даниловича.

Комитет (совет) искренне считает, что Перетокин находится на его территории, и, стало быть, все его ВЛАДЕНИЯ — их собственность. Но по привычке ориентироваться в городе по культурным вехам, я, например, так же искренно считаю, что этот совет (комитет) находится на территории театра. Вот тут мы, стало быть, вступаем в конфликт... С чем?

Да с новыми крепостниками. Они ведь хотят, чтобы все-все организации перешли под их эгиду, причем вовсе их не волнуют ни са-

Но, в общем, и здесь Перетокину немножко подвезло — вроде бы комитет (совет) попался не такой оголтелый, как, скажем, на Арбате. Вроде бы признали за ним право быть режиссером и педагогом на Большой Полянке...

А рынок накатывает новые проблемы. Меняются Москва, состав жителей, меняются дети. Все больше ОТБРАКОВАННЫХ подростков. ПТУ увеличивает лимиты. А жизнь там — как в армии или в зоне. Откуда-то узнав, услышав про эту «доброту по месту жительства», прибегают иногда в театр несчастные, избитые, обворованные дети... Кого родители послали в Москву за песнями и за пропиской, да и забыли про них. Я уж таких человек несколько встречала у Виктора Даниловича. «Да у вас здесь просто приют!» — как-то вырвалось у меня.

Ах, как он разгневался! Жаль, никто из отцов города и устроителей детского счастья не слышал его пламенную речь! Он кричал, что будет до конца дней принимать любого несчастного ребенка, и вытирать ему слезы, и отпаивать чаем, и бежать к директору ПТУ, и оставлять ночевать на диване в фойе, и писать родителям, и — да, да, да — держать у себя наготове ПРИЮТ, пусть и самый временный, пусть, и за свой счет, и пусть кто угодно запрещает, а он будет, будет, будет!!!

Какие страшные слова: до конца дней. Век человеческий краток. Одному всего не успеть.

Но если наступившая эпоха рынка — это спонсоры, попечители, фонды и общества защиты, не кажется ли вам, что прежде всего нужно помочь не отстающим колхозам или неудачникам, которым сколько ни помогай, все равно ничего не получится, а конкретному победителю Виктору Даниловичу Перетокину, который сторицей вернет городу самым ценным в любом обществе: людьми — молодыми москвичами, умеющими жить и работать.

Зоя ИБРАГИМОВА.